

DOI: 10.15393/j9.art.2008.276

Э. С. Лебедева

Санкт-Петербург

**ОБРАЗ ЦАРЯ, ПОКИНУВШЕГО ПРЕСТОЛ,
В ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА**

...и той, яко стяжавый на земли имя
Благословенного, молим Тя, Царю, да
стяжет и на небеси у Тебе имя
Праведнаго...

*Молитва об упокоении раба Божия
Императора Александра*

Пушкин не зря мыслил себя историографом и продолжателем дела Карамзина. Его в особенности интересовали история и тайны дома Романовых от Петра до его — современных Пушкину — потомков. Среди информаторов поэта оказывались люди, помнящие царствование Екатерины, смерть Павла, приближенные Александра Павловича и фрейлины Елизаветы Алексеевны: в 20-е годы — Р. С. Стурдза, в 30-е — Е. И. Загряжская. В 1836 году в «Современнике» Пушкин печатает статью кн. П. Б. Козловского, собеседника покойного императора. Может быть, с интересом к кончине государя императора связан выбор дома Волконских на Мойке: ведь князь Петр Михайлович Волконский находился в Таганроге в 1825 году при кончине Александра Благословенного.

«Дневник» Пушкина сохранил свидетельства его пристального интереса к жизни Дома Романовых.

1833 год, 30 ноября:

Государыня пишет свои записки. Дойдут ли они до потомства? Елизавета Алексеевна писала свои, они были сожжены

ее фрейлиною. Мария Федоровна так же — Государь сжег их по ее приказанию. Какая потеря! Елизавета хотела завещать свои записки Карамзину (слыш. от Екатерины Андреевны).

В 1834 году А. С. Пушкин говорил с М. М. Сперанским о 1812 годе и о его высылке из Петербурга.

Сперанский советовал мне писать историю моего времени.

1 января 1834 года поэт беседовал со старой фрейлиной Н. К. Загряжской «о первом времени царствования Александра».

1834 год, 21 мая:

В Александре было много детского. Он писал однажды Лагарпу, что, дав свободу и конституцию земле своей, он отречется от трона и удалится в Америку.

Император Александр не только в качестве победителя Наполеона был и оставался центральной фигурой эпохи. Как пишет исследователь духовных направлений в России I половины XIX века А. В. Моторин:

В судьбе Александра I ярко выразился обычный для России той эпохи путь духовного развития: искушение, сознательное испытание чуждых верований (католических, протестантских, сектантских, масонских), затем отвлечение от них, покаяние и, наконец, обращение к родному, с детства усвоенному и подпитываемому живой связью с Церковью Православию¹.

Все началось для Александра в 1812 году:

Пожар Москвы просветил мою душу и наполнил мое сердце теплотою веры.

Ученик республиканца и атеиста Лагарпа погрузился в чтение Библии. В летописях русских монастырей

сохранились воспоминания о паломничестве государя (на остров Валаам, в Саровскую обитель, в Псково-Печерский монастырь, в Киево-Печерскую и Почаевскую лавры)².

Духовный путь Пушкина, который сам он оценил как «возвращение блудного сына» — «отрока Библии», располагал к тому, чтобы до глубины души прочувствовать складывающуюся в последние десять лет его жизни народную

¹ *Моторин А. В.* Возрождение православной мистики в России // Христианская культура: пушкинская эпоха. Вып. XVII. СПб., 1998. С. 53.

² *Громыко М. М.* Мог ли Император Александр I стать праведным старцем Феодором Кузьмичом. О религиозной жизни Государя в 1812—1825 годах // Научно-православный журнал «Традиции и современность». 2004. № 3. С. 52—66.

266

легенду о «самоотреченном Царе», о покаянии, толкнувшем Александра Благословенного на странничество, на сокровенный путь аскезы.

Говорили, что Государь не умер, что гроб в Петропавловской усыпальнице пуст или что туда положен другой, что перед «смертью» Александра благословил на старчество Св. Серафим Саровский и первые годы новый подвижник провел в келье у Святого, что впоследствии он получил благословение на отшельничество у Митрополита Московского Филарета <или что отплыл на английской яхте в Святую землю> и что, наконец, с 1837 года начал странствовать по России под именем старца Феодора Кузьмича³.

Последний мотив появился в самом конце земной жизни Пушкина. Что из всего этого было известно поэту?

Л. Краваль расшифровала рисунок 1830 года под автографом стихотворения, посвященного императрице

Елизавете Алексеевне, «Не розу пафосскую...»:

Профиль в кн. Константина Павловича, причудливо соединенный с чертами другого человека...⁴ В верхней части этой головы, возле виска, нарисован портрет старца с клинообразной бородкой и нимбом над головой, а в нимбе начертано: «ал I» (а — маленькая, а единичка скользит вниз, как выпавший из рук скипетр). Это значит, до Пушкина дошел слух (или это было предвидение, пророчество, что таковым старцем стал (или станет) Император Александр I⁵).

В пушкинском рисунке, изображающем старца, как будто откликнулись ставшие знаменитыми слова Александра в 1812 году:

Скорее я отращу бороду и буду есть черствый хлеб в Сибири, чем подпишу позор моего Отечества...

В 1833 году Пушкин проехал всю Россию с севера на юг в поисках материалов о самозваном Петре III и мог также слышать о царе-страннике Александре Благословенном. Сюжеты прямо противоположные — уход царя в безымянность и присвоение царского имени, духовная драма и жестокий исторический фарс. Не случайно той же осенью было создано загадочное произведение, не оцененное современниками,

³ Моторин А. В. Указ. соч.

⁴ Краваль Л. А. «Неувядаемая роза». Христианская культура: пушкинская эпоха. Вып. XXIII. СПб., 2001. С. 85.

⁵ Там же. С. 97, 98. Мы знаем от Натальи Николаевны (через ее дочь), что у Пушкина были явления и, в частности, и о наследнике Александре Николаевиче, который явился ему по колению в крови.

об удалившемся (на время) правителе. Речь идет о поэме «Анджело».

Заслоняясь Шекспиром, его трагедией «Мера за меру», и декорациями средневековой Италии, Пушкин в

«Анджело» поэтически высказал свои предположения о новой, второй жизни Александра⁶.

В одном из городов Италии счастливой
Когда-то царствовал предобрый старый Дук,
Народа своего отец чадолюбивый,
Друг мира, истины, художеств и наук,
Но власть верховная не терпит слабых рук.

<...>

Нередко добрый Дук, раскаяньем смущенный,
Хотел восстановить порядок упущенный,
Но как? Зло явное, терпимое давно,
Молчанием суда уже дозволено,
И вдруг его казнить совсем несправедливо
И странно было бы — тому же особливо,
Кто первый сам его потворством ободрял...

Здесь вспоминаются слова императора Александра, сказанные генералу Васильчикову и князю Волконскому, и резолюция на донесении графа Бенкендорфа о тайных обществах: «Не мне их карать. Я сам посеял эти семена». Без объяснения причин государь отодвинул от себя друга молодых лет, и Бенкендорф понял причину, только когда император Николай показал ему эту резолюцию.

Что делать? Долго Дук терпел и размышлял;
Размыслив наконец, решился он на время
Предать иным рукам верховной власти бремя,
Чтоб новый властелин расправой новой мог
Порядок вдруг завести и был бы крут и строг.

Оставив своим наместником сурового Анджело, добрый Дук:

...докучного вниманья избегая,
С народом не простясь, incognito, один
Пустился странствовать, как древний паладин⁷.

<...>

Пока народ считал его в чужих краях

И сравнивал, шутя, с бродящею кометой,
Скрывался он в толпе, все видел, наблюдал...

⁶ Белозерова Л. И. О чем грустит Царскосельская статуя? // Наука и религия. 1996. № 6. С. 21; Архангельский А. Александр I. М., 2001. С. 380—382.

⁷ Отзвук подозрений о Святой земле — местопребывании Александра.

268

Узнав не понаслышке свою страну, ее беды, Дук возвращается («со славой править»), отстраняет Анджело, простив его прегрешения.

Поэма была напечатана в 1834 году в альманахе «Новоселье».

— Наши критики, — говорил Пушкин Нащокину, — не обратили внимания на эту пиесу и думают, что это одно из слабых моих сочинений, тогда как ничего лучше я не написал.

Белинский счел ее недостойной таланта Пушкина... У «критиков» и публики имелись серьезные причины помалкивать: сюжет передачи престола был актуален, 1825 год еще слишком памятен, и Россией правил «новый Царь, суровый и могучий».

Видно, что Пушкин придавал особое значение этой своей поэме, созданной во 2-ю болдинскую осень одновременно с «Медным всадником», где, как известно, появляется император Александр и образ его оваян необычайно теплым отношением автора.

В тот грозный год
Покойный царь еще Россией
Со славой правил. На балкон
Печален, смутен, вышел он
И молвил: «С Божией стихией
Царям не совладеть». Он сел
И в думе скорбными очами

На злое бедствие глядел.
Стояли стогны озерами
И в них широкими реками
Вливались улицы. Дворец
Казался островом печальным.
Царь молвил — из конца в конец,
По ближним улицам и дальным
В опасный путь средь бурных вод
Его пустились генералы
Спасать и страхом обуялый
И дома тонущий народ.

Шекспировскую драму «Мера за меру», послужившую импульсом для поэмы «Анджело», Пушкин ставил в одном ряду с самыми известными шедеврами английского драматурга — «Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Ромео и Джульетта». «Мера за меру» до того притягивала к себе поэта, что он начал даже ее переводить. (Н. И. Стороженко — как шекспировед — высоко оценил несколько сцен в переводе великого русского поэта.) Этот пристальный интерес только тем и можно объяснить что основные мотивы

269

сюжета накладывались на реалии русской жизни, так сказать, жгучей современности. Интересно, что в переводе Пушкин точно следовал Шекспиру и местом действия сохранил *Вену*. Что касается поэмы «Анджело», то в ней Венский герцог заменен Итальянским. Дело происходит в Италии, и народ в своих предположениях о том, куда скрылся их добрый Дук, у Пушкина, в отличие от Шекспира, не указывает его местопребыванием *Русь* или *Польшу*. Эти топонимы были весьма актуальны в посленаполеоновской Европе, и Пушкин от них воздержался. Однако оставил два мотива, как будто нарочно связанных с мифом или реальной биографией

императора Александра Павловича. Это, во-первых, вдовствующая при живом муже жена (Марьяна) — как когда-то на десятилетие была покинута ради Нарыжкиной императрица Елизавета Алексеевна. Второй мотив — подмена головы — получался аллюзией настойчиво распространяемых слухов о том, что вместо императора Александра похоронен похожий на него человек. Добрый Дук

...к Анджело отправил
Другую голову, велев обрить и снять
Ее с широких плеч разбойника морского,
Горячкой в ту же ночь умершего в тюрьме.

Пушкин прочитал Шекспира таким способом, как он советовал А. Дельвигу в 1826 году:

Взглянем на трагедию взглядом Шекспира...⁸

Данные слова обычно соотносят с мятежом 14 декабря, но, как видим, поэт применил этот принцип и к предшествующим событиям — мнимой кончине и уходу в неизвестность императора Александра.

⁸ Л. Н. Толстой в беседе с великим князем Николаем Михайловичем, августейшим биографом императора Александра, сказал, «что если только Александр действительно окончил свою жизнь отшельником, то искупление, вероятно, было полное, и... фигура вышла бы шекспировская (Л. Н. Толстой и Н. М. Романов. Красный архив. 1927. Т. XXXI. Цит. по: *Фомин С. В.* Сибирский Старец Феодор Козьмич. М., 2003. С. 69). Это заставляет вспомнить поэму «Анджело» и слова Ж. де Сталь, гонимой Наполеоном и высоко ценимой Пушкиным, о России, которую она увидела в тяжелую годину испытаний и которую назвала «великим историческим явлением, сопоставимым с величественной шекспировской пьесой» (*Алексеев М. П.* Пушкин и Шекспир. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1971. С. 248).

изумленным...

Еще один властитель, сложивший с себя корону, «павший с престола», скрывшийся во тьме, но не в толпе, а ушедший в затвор, в иночество, появляется в 1835 году в стилизованном под испанские романсеро стихотворении «Родрик» («На Испанию родную призвал мавров Юлиан...»). «Родрику» Посвящены несколько страниц А. А. Архангельского в биографии императора Александра I⁹, работы В. Сайтанова и И. Сураг. Последняя в капитальной статье «Житие великого грешника» пишет о том, что «Родрик» был создан Пушкиным в ситуации острого душевного кризиса, трагического перелома во внутренней жизни. Источниками послужили собрание испанских романсов (цикл о короле Доне Родриго) и эпическая поэма Роберта Саути «Родрик, последний из Готов» (1814) с обширнейшими комментариями — отрывки из хроник, исторических сочинений, связанных с легендой о Доне Родриго. Пушкин воспользовался народной легендой, которая оставляет короля Родриго живым, в отличие от его исторического прообраза:

Шлем и меч его тяжелый
Были найдены в пыли,
Короля почли убитым,
И никто не пожалел,

Но Родрик в живых остался,
Бился он все восемь дней —
Он сперва хотел победы,
Там уж смерти лишь алкал.

И. Сураг считает (и убедительно доказывает), что на сюжеты поэмы Саути и народной испанской легенды — историю скитаний короля после потери престола, историю его преобразования — накладываются черты святых отшельников, почерпнутые Пушкиным из Четых

Миней.

Уединение в пещере, найденные нетленные мощи... приготовление к смерти, молитвы, пост, плоды в пищу и ключевая вода, краткий сон и ночные искушения дьявола, борьба с ними, умерший святой заступает за живущих, является им, наставляет, призывает восстать, предрекает победу над врагами, возвещает Божию волю, пророчествует о будущем — все это общие места житий святых, чтимых в России¹⁰.

⁹ *Сурат И.* Житие великого грешника. Московский пушкинист. IV. М., 1997.

¹⁰ Там же. С. 66.

271

Недаром со времени работы над «Борисом Годуновым» и до конца своих дней Пушкин изучал жития святых и друзьям советовал их читать, например, В. А. Жуковскому.

Родрик — это характерный для позднего Пушкина пример сюжетной лирики, лирики в третьем лице, <выражающей> незаимствованные пушкинские проблемы, рожденные потребностью внутреннего самоустроения в предчувствии конца¹¹.

Исследовательница ставит стихотворение «Родрик» в один контекст с пушкинским «Странником», религиозной лирикой последних лет.

Нельзя не согласиться. Тем более, что лирический отрывок «Чудный сон мне Бог послал...» включен слегка переработанным и объективированным в стихотворение «Родрик». Л. Краваль связывает «Чудный сон...» с воспоминаниями о реальной встрече с Саровским Старцем в 1830 году и о явлении во сне (или видении) Св. Серафима Пушкину в 1835 году¹².

Чудный сон мне Бог послал —
С длинной белой бородою
В белой ризе предо мною
Старец некий предстоял
И меня благословлял.

Таким образом, современные исследователи поэзии Пушкина указывают на соотнесенность ее с личной духовной биографией автора — искушения, греховная юность, покаяние, обращение к Богу.

И. Сурат утверждает также, что судьба испанского короля получает обобщенность притчи, сквозь которую просвечивает библейская история человека.

Все так. Но есть и другое, не отмеченное исследовательницей и отмеченное А. А. Архангельским. В контексте нашей темы очень важен сам образ *короля, который сошел с престола, бросил поле проигранной им битвы, «венец утратил царский»*.

Идя по дорогам своей страны, он видит ее в разорении и несчастьях, которые прямо связаны с его былым грехом. Бедствия народа — его личная вина, это понимают все и начинает понимать он сам¹³.

¹¹ Там же. С. 55.

¹² *Краваль Л. А.* «Елизавету втайне пел...» // Христианская культура: пушкинская эпоха. Вып. VII, СПб., 1995. С. 58—61.

¹³ *Сурат И.* Указ. соч. С. 60.

Стариков и бедных женщин
На распутьях видит он;
Все толпой бегут от мавров
К укрепленным городам.
Все, рыдая, молят Бога
О спасеньи христиан;
Все Родрика проклинаят;
И проклятья слышит он.

И с поникшею главою
Мимо их пройти спешит,
И не смеет даже молвить:
Помолитесь за него.

Из письма великой княгини Екатерины Павловны августейшему брату при первом известии о вступлении Наполеона в древнюю столицу России. И кажется, что автор «Родрика» читал эти огненные строки:

Мне невозможно более удерживаться, несмотря на боль, которую я должна Вам причинить. Взятие Москвы довело до крайности раздражение умов. Недовольство дошло до высшей точки, и Вашу особу далеко не щадят. Если это уже до меня доходит, то судите об остальном. Вас громко обвиняют в несчастье, постигшем Вашу империю, во всеобщем разорении и разорении частных лиц, наконец, в том, что Вы погубили честь страны и Вашу личную честь. И не один какой-либо класс, но все классы объединяются в обвинениях против Вас. Не входя уже в то, что говорится о том роде войны, которую мы ведем, один из главных пунктов обвинений против Вас — Это нарушение Вами слова... данного Москве, которая вас ждала с крайним нетерпением, и то, что Вы ее бросили. Это имеет такой вид, что Вы ее предали¹⁴.

Автор «Родрика» своим чутким сердцем проникся судьбой императора Александра, то был тяжкий момент в жизни победителя Наполеона. Узнав о сдаче Москвы, Александр посидел в одну ночь. 36 дней оккупант находился в русской столице и трижды предлагал перемирие: вдовствующая императрица, великий князь Константин, весь двор и высшая бюрократия требовали от царя заключения мира, и, чтобы устоять, нужна была невероятная твердость и помощь Провидения. Вот тогда-то он и начал молиться.

Созданный Пушкиным образ властителя, отказавшегося от своего имени и престола, сокрывшегося и покаявшегося

¹⁴ *Тарле Е. В.* Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. М., 1992. С. 177.

в грехах, соотносится с формирующейся в русском народе легендой о «самоотреченном Царе» Александре Благословенном. Такой поэт, как Пушкин, не мог пренебречь «мнением народным». Через год после написания «Родрика», осенью 1836 года, явил себя миру странник Феодор Кузьмич, о чем, скорее всего, уже не смог узнать Пушкин, но в двух своих таинственных произведениях великий поэт успел принести покаяние тому, кто «взял Париж и основал Лицей» и на кого он в юности, «с толпою чувства разделяя», писал запальчивые и дерзкие эпиграммы.